

РИТУАЛ ЦУВИ И ДРЕВНЕХЕТТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

В. Ю. Шелестин

Государственный академический университет гуманитарных наук

Поступила в редакцию 10 февраля 2014 г.

Аннотация: статья посвящена определению исторического контекста одной из частей хеттского ритуала, составленного жрицей Цуви. Предполагается отражение в данном тексте взгляда древнехеттской оппозиции на внутреннюю и внешнюю политику Хаттусили I (XVII в. до н.э.).

Ключевые слова: хетты, ритуал Цуви, Хаттусили I, Бог Грозы, оппозиция.

Abstract: the article considers some historical questions of the Zuwi's ritual. Their symbolism is very close to that of Old Hittite political propagandistic and oppositional texts.

Key words: Hittites, Zuwi's ritual, Hattusili I, Storm-God, opposition.

Для Древнехеттского царства давно установлено существование оппозиционных царям-завоевателям Хаттусили I и Мурсили I сил, которые вели долгую борьбу с первым и погубили второго [1, с. 25]. Однако, зная о них лишь из текстов, отражающих официальную точку зрения, вроде «Завещания Хаттусили I» (СТН 6) и «Указа Хаттусили I» (СТН 5), мы не можем с ясностью представить себе феномен древнехеттской оппозиции, ограничивавшей свободу действий монарха.

Тем не менее тексты, отражающие видение оппозицией положения государства Хатти в условиях выхода на международную арену, у нас имеются. Сохранность этой традиции в рамках богазкейского корпуса текстов, обслуживавшего прежде всего потребности царской идеологии и культа, может казаться странной. Однако обилие неверных сановников, судя по назидательным рассказам «Собрания анекдотов» (СТН 8), позволяет нам видеть в них хранителей этой традиции, как и в возможных иных представителях оппозиции. К ней могут относиться текст Пухану (СТН 16), «Повесть о людоедах» (СТН 17), примыкающая к этому тексту по ряду пунктов [2, с. 288–292], древнехеттский оракул KIN (СТН 827) – оракулы типа KIN отвергались Хаттусили I [3, с. 30 сл.] – и ритуал Цуви (СТН 412). Если первые два текста носят историко-литературный характер и рассказывают о событиях, происходивших на краю хеттской ойкумены, ставшей во времена Хаттусили I и Мурсили I ареной завоевательных походов*, а тре-

тий является документальным источником, посвященным предсказанию исхода борьбы с хурритами, то ритуал Цуви несколько выбивается из этого ряда, будучи включенным в состав культовой традиции.

Этот ритуал, направленный, по мнению Хуттера, на ликвидацию последствий содомии [4, s. 104], имеет центрально-анатолийские, возможно хаттские, истоки [5, p. 122]. Он является большим собранием ритуальных фрагментов, описывающих различные действия, которые, ввиду упоминания в его тексте жриц Цуви из городов Ангуллува и Дурмитта, предполагается относить к двум разным ритуалам [6]. Однако, учитывая то, что обе вводные формулы указывают на его связь с Богом Грозы, логичнее предполагать единое происхождение ритуала, принимая во внимание то обстоятельство, что различие ритуалов по происхождению осуществляющих их жрецов свойственно не ранее, чем среднехеттскому времени [7, s. 208]. Мауро Джорджери в докладе на VIII хеттологическом конгрессе (Варшава, 6 сентября 2012 г.) привел дополнительные аргументы против выделения отдельного ритуала Цуви из Ангуллувы. Наше внимание привлекает часть текста, по классификации Джорджери являющаяся «большой таблицей с историчками». Рассмотрим эту часть ритуала, прежде переведенную на русский язык В. В. Ивановым, которую он охарактеризовал как ранний образец хеттской литературы, дошедший в составе значительно более позднего ритуала [8, с. 40, 257]. Приведем новый перевод данного фрагмента (KUB XII 63 + KUB XXXVI 70 ЛС с восстановлениями по дубликату KBo XXII 118) с учетом предложений Джорджери:

7) и они ему быка на его глазах став[ят

8) и он выпол[н]яет, какого человека и ..[

9) и на дороге этого быка исцеляющего(?) упи[танного хватают, и бык

* Потому они ценны описанием именно событий в отдаленных землях, которые могли быть не отражены в других источниках, позволяя, вместе с тем, узнать, какие земли хетты считали отдаленными и тем определить психологические границы возможностей хеттской экспансии.

10) спрашивает: «Что меня вы схватили?», и они ему – люди – зате[м отвечают: «мы шли в поход(?) и

11)]на дороге тебя мы приготовили». Так (говорит) бык: «когда м[еня хватаете

12)].. вас, вон вам хорошего[я сломал]. И какого человека я лечу,

13) и]мя его я называю, и его постаревшего [статуэт]ку(?) он держит, [и я лечу,

14) п]астухов быков, пастухов овец, ткачих очищает, и он Богу Грозы одну овцу[

15)].. и его вы хватаете, и вам он дает. Люди же посредине одного прин[осят

16) бык – не заместитель его. Он укрыл(?) исцеляющего(?) быка шкурой(?), ..[

17)].. кровь его пи[ли они], и утоляли ею жажду. Жир же ели они, и им [утоляли голод.

18) И душу человека я зову, и к нему подошли они, и его схва[тили

19) он принес, я иду. Храму Бога Грозы я (авторитетно) говорю: «Что его вы схватили?», и храм Бога Грозы зате[м ..

20) и его в голод он вверг. И их храм Бога Грозы спрашивает: «..[

21) куда, преступники, ты пошел? И благое[и]ще..[

22) Так (говорит) храм Бога Грозы преступникам: «Я приказываю вам ..[

23) я правильно даю, и его вы ведете». Так (говорят) пр[еступники храму Бога Грозы:

24) прикажи, и это мы сделаем». – «Длинные дороги укоротите, а короткие

25) удлините. Горы высокие понизьте, а низкие п[овысьте

26) Волка рукой схватите, льва коленом схватите, реку и п[оток задержите(?),

27) змею поймите(?), и ее в царские ворота принесите, и с[уд будет судиться!

28) И о ком я (это) исполняю, и его по имени его называю, и вам я [

29) Люди вернулись. Так (говорит) они: «Ничего мы не сделали. Длинные [дороги мы не укоротили,

30) а короткие дороги не смогли удлинить. Горы высоки[е мы не понизили,

31) маленькие горы не смогли повысить». Волка рукой не сх[ватили, льва коленом не схватили,

32) реку и поток упустили и загрязнили вы. Змею не п[оймали, и ее в царские ворота не

33) принесли, ее (судебное) дело не было решено, дело важ[ное не

34) и того, о ком я (это) исполняю, и имя его я называю. Теперь, после того как ча[р.

Учитывая лингвистические данные в пользу древнехеттского происхождения рассматриваемого фрагмента, можно предположить, что он представля-

ет один из ранних слоев текста, который мог быть посвящен проблеме внешнеполитической экспансии Хаттусили I и его борьбе с тавананной.

В пользу этого предположения может говорить постоянное обращение текста к символам эпохи Хаттусили I. Так, знаковым является образ быка, стоящий в центре текста Пухану. Вместе с тем в тексте Пухану быку, пусть и с потерями, удалось осуществить свою миссию – пробить проход к морю в горах Тавра. В тексте же ритуала Цуви мы видим лишь пародию на этот образ – бык, подобно царю-шуту начальных строк текста Пухану, удивляется действиям сильнейших; поход теперь осуществляет не бык, а его оппоненты. Вероятно, этот бык должен стать участником ритуала подмены царя, вроде того, который усматривает де Мартино в первой сцене текста Пухану [9, p. 16 и n. 43], но оказывается непригодным для этого – [(GU₄.MAH)] Ú-UL tar-ra-aš-ša-aš-ši-iš «бык – не заместитель его» – и съедается. Сама необходимость в ритуале подмены могла возникнуть в связи с ухудшением положения стареющего царя. Возможно, прав исследователь Хас, усматривая в эпизоде с фигуркой постаревшего человека проявление бессилия, невозможности обмануть время [10, s. 80], которое оказывается в изображении автора текста бессилием Хаттусили I.

Три других животных образа текста – волк, лев и змея – Хас называет символами поверженной силы [10, s. 462], противостоявшей в союзе с преступниками (людьми hurkel – точная интерпретация этого термина дискуссионна) устройству ритуала [4, s. 98]. Это кажется более вероятным, чем признание этих животных символами нецивилизованного мира [ср. 11, p. 86]. Но что это были за силы, каковы их прототипы эпохи Хаттусили I? Самый понятный образ – змея – в текстах этого времени обычно означает тавананну, действовавшую враждебно по отношению к Хаттусили I во время мятежа царской дочери в столице, позднейшего собственного заговора и в ряде эпизодов до этого [12; 13, s. 127; 14, p. 438]. Казалось бы, лев обозначает в текстах этой же эпохи самого Хаттусили I, который в них заявляет, что «в те дни реку Пуран, подобно льву, великий царь пересек» (КВо X 1 ЛС 34), «город Хассува, подобно льву, лапой своей победил» (КВо X 1 ЛС 35), «на город Хаххи, подобно льву, посмотрел я» (КВо X 1 ОС 2-3), и советует: «Держись рога быка! И решения льва держись» (Письмо Тунии, ОС 33-34) [15]. Однако в этих цитатах, за исключением письма из тикунанского архива, царь, если недвусмысленно говорит о себе самом, не проводит отождествления себя со львом окончательно, говоря лишь о подобии. В письме же Тунии и бык, и лев одновременно называются ориентирами хеттской великоцарской политики, хотя Сойсал считает здесь быка Богом Грозы [16, s. 119].

Это может предостеречь нас от одномоментного отождествления данного льва с Хаттусили I, заставив внимательнее приглядеться к тем, кто должен его «схватить коленом». Наконец, волк в историко-политических текстах эпохи Хаттусили I связывается с царскими подданными – аудиторией и «Завещания», и «Указа» Хаттусили I, род которых должен быть един, как волчья стая [8, с. 270, 272] (по мнению Коллинз, в «Завещании» речь идет не о волке, а о полосатой гиене или шакале [11, р. 281], однако полосатые гиены мало склонны к образованию больших коллективов [17, ч. 2, с. 43], а социальная организация у волков имеет более четкую структуру, чем у шакалов [17, ч. 1, с. 99]; ср. о названиях волка [18, с. 492–494]). Видим, что здесь действия преступников опять неоднозначно связаны с повержением силы, близкой Хаттусили I.

Следует помнить, что ритуал Цуви в целом связан с Богом Грозы, храм которого является одним из главных героев представленного фрагмента. Отношения Хаттусили I с этим богом были неоднозначны. Покровителем его военных предприятий было солнечное божество города Аринна, и Богу Грозы доставалось значительно меньше добычи, причем никогда – из коренных областей Хатти. Утварь сирийских храмов Бога Грозы посвящается солнечному божеству города Аринна, а в тексте Пухану большее значение имеет Бог Грозы Халапа, проблеме включения в хеттский пантеон которого и посвящен тот текст [2, с. 289, 292]. Последний отражает неофициальную точку зрения на Бога Грозы и выставляет царя в несколько комическом свете. В нашем тексте храм Бога Грозы поручает преступникам, съевшим быка, изменить рельеф местности и расстояния между географическими объектами, что пародирует преодоление пространства между Анатолией и Сирией, являющееся проблемой и текста Пухану. В тексте Пухану проблема решается силовым путем – бык пробивает рогом, ломая его при этом, гору, и хеттское войско достигает моря. В ритуале Цуви бык объявлен не соответствующим образу идеального царя, однако другой путь достижения этой цели оказывается неудачным.

Преступление, затеянное храмом Бога Грозы, пародирующим действия царя, оказывается неудачным, но какова была его цель? При решении этого вопроса ключевой оказывается судьба тавананны, которую следовало судить в царских воротах. Если этот текст был составлен после «Указа Хаттусили», то, вероятно, этот суд теперь должен был попытаться оправдать тавананну. На такую датировку текста указывает параллелизм в отношении к имени с «Указом». Вспомнив, что [DINGIR-]LIM-iš UR.МАН-aš ré-di UR.[МАН-an-pát ti-it-ta-nu-zi] «на место льва божество поставит только другого льва» (KUB I 16 II 39),

мы поймем, что лев ритуала Цуви – Мурсили I, которого, как и его сторонников в рядах знати, хотел лишиться слова на этом суде автор текста.

Хотя этот текст был, вероятно, составлен в конце правления Хаттусили I, аллюзия на выход к морю позволяет возводить начало конфликта этого табарны с тавананной к эпохе его сирийских походов. Позднее память об этом конфликте была вплетена в канву культовой традиции храма Бога Грозы, что позволяет нам проследить и религиозно-идеологическую сторону конфликта. Хаттские и лувийские элементы ритуала Цуви могут подчеркивать масштабность данного конфликта, хотя часть их может являться позднейшими наростами на теле ритуала. И самое главное, ритуал Цуви показывает способ передачи оппозиционной традиции древнехеттской эпохи через культ. Вплетя в текст ритуала предание о старом конфликте, родоначальник традиции оставил в тексте знаки того, что это – не ритуал, как и автор отчета Пухану всячески подчеркивал его вымысленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёрни О. Р. Хетты / О. Р. Гёрни. – М., 1987.
2. Gilan A. Der Puhānu-Text – Theologischer Streit und politische Opposition in der althethitischen Literatur / A. Gilan // *Altorientalische Forschungen*. – 2004. – Bd. 31. – Н. 2. – S. 263–296.
3. Баюн Л. С. Дивинация на древнем Ближнем Востоке: хеттские оракулы I / Л. С. Баюн // *Вестник древней истории*. – 1998. – № 1. – С. 30–36.
4. Hutter M. Tiere als *materia magica* im Ritual der Zuwi (CTH 412) / M. Hutter // *The Asia Minor Connexion. Studies on the Pre-Greek Languages in Memory of Charles Carter* / ed. by Y. L. Arbeitman. – Leuven; Paris, 2000. – S. 95–106.
5. [Compte rendu] / E. Laroche // *Bibliotheca Orientalis*. – 1954. – Vol. 11. – P. 121–124. – Rev. op.: Otten H. *Keilschrifturkunden aus Boghazköi 35. Luvische und Palaische Texte* / H. Otten. – Berlin, 1953.
6. [Rezension] / O. Soysal // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – 1990. – Bd. 140. – S. 152–154. – Rev. op.: Hutter M. *Behexung, Entsühnung und Heilung. Das Ritual der Tunnawiya für ein Königspaar aus mittelhethitischer Zeit (KBo XXI 1 – KUB IX 34 – KBo XXI 6)* / M. Hutter. – Freiburg; Göttingen, 1988.
7. Görke S. Provenienzanangaben in hethitischen Ritualeinleitungen – ein jüngeres Phänomen? / S. Görke // *Altorientalische Forschungen*. – 2007. – Bd. 34. – Н. 2. – S. 204–209.
8. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии / пер. В. В. Иванова. – М., 1977.
9. Martino de S. *Annali e Res Gestae antico ittiti* / S. de Martino. – Pavia, 2003.
10. Haas V. *Materia Magica et Medica Hethitica. Ein Beitrag zur Heilkunde im Alten Orient* / V. Haas. – Berlin; N. Y., 2003.

11. *Collins B. J.* The Representation of Wild Animals in Hittite Texts / B. J. Collins. – Ann Arbor, 1989.

12. *Иванов В. В.* Интерпретация древнехеттского фрагмента 2 ВоТУ 10 β / В. В. Иванов // IV сессия по Древнему Востоку : тезисы докл. – М., 1968. – С. 70–72.

13. *Soysal O.* Mursili I. – eine historische Studie / O. Soysal. – Würzburg, 1989.

14. *Murphy S.* The Practice of Power in the Ancient Near East : Sorceresses and Serpents in Hittite Myths / S. Murphy // Sex and Gender in the Ancient Near East. Proceedings of the XLVIIe Rencontre Assyriologique Internationale / ed. by S. Parpola, R. M. Whiting. – Helsinki, 2002. – P. 433–442.

15. *Collins B. J.* Hattušili I, The Lion King / B. J. Collins // Journal of Cuneiform Studies. – 1998. – Vol. 50. – P. 15–20.

16. *Soysal O.* Beiträge zur althethitischen Geschichte (I). Ergänzende Bemerkungen zur Puhanu-Chronik und zum Menschenfresser-Text / O. Soysal // Hethitica. – 1999. – Vol. 14. – S. 109–145.

17. Млекопитающие Советского Союза : в 3 т. / В. Г. Гептнер, Н. П. Наумов. – Т. 2 : Хищные. – М., 1967–1972.

18. *Гамкрелидзе Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы : реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси, 1984.

Государственный академический университет гуманитарных наук

Шелестин В. Ю., аспирант кафедры древних и средневековых цивилизаций

E-mail: vladimir-shelestin@yandex.ru

Тел.: 8-903-184-72-17

State Academic University for Humanity

Shelestin V. Yu., Post-graduate Student of the Ancient and Medieval Civilizations Department

E-mail: vladimir-shelestin@yandex.ru

Tel.: 8-903-184-72-17